

О.Ю. МАЛИНОВА*

**ГЕНЕАЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЕЛИЧИЯ,
ИЛИ ПОЧЕМУ *ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА* –
НЕ КАЛЬКА *GREAT POWER***

Рец. на кн.: Решетников А. Погоня за величием: тысячелетний диалог России с Западом / А. Решетников; пер. с англ. Ю. Игнатъевой. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 384 с.

Для цитирования: Малинова О.Ю. Генеалогия политического величия, или Почему великая держава – не калька *great power* (Рецензия) // Политическая наука. – 2025. – № 2. – С. 258–268. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.12>

Монография доцента кафедры международных отношений Вебстерского университета в Вене Анатолия Решетникова, посвященная истории понятия *великая держава*, почти одновременно вышла в издательстве Мичиганского университета на английском и в русском переводе в издательстве «Новое литературное обозрение». История диалога России с Западом не раз становилась предметом конструктивистских исследований международных отношений. Ее анализировали с точки зрения взаимоотношений со Значимым Другим, конструирования коллективных идентичностей и формирования национальных интересов [Neumann, 1999; 2017; Нойманн, 2004; Малинова, 2009; Морозов, 2009; Clunan, 2009], на ее материале развивали теории о роли идеационных и эмоцио-

* **Малинова Ольга Юрьевна**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: omalinova@mail.ru

нальных факторов в международных отношениях [English, 2000; Tsygankov, 2012; Malinova, 2014], ее пытались концептуализировать в логике постколониального подхода [Mogozov, 2015] и др. Работа Решетникова продолжает этот ряд, фокусируясь на истории понятия, игравшего существенную роль во взаимоотношениях России и Запада. Как поясняет автор, его анализ опирается на три взаимосвязанные школы мысли: немецкую школу истории понятий (*Begriffsgeschichte*), Кембриджскую школу интеллектуальной истории и зародившуюся во Франции критическую историю современности [Решетников, 2024, с. 65–66]. Руководствуясь принципами, которые он считает общими для этих направлений, но не углубляясь в детали их методологий, Решетников реконструирует генеалогию современного российского дискурса о великодержавии, начиная с самых ранних упоминаний этого и других родственных ему понятий. При этом автор специально подчеркивает, что его работа не является историческим трудом (с. 14), и это важная оговорка, поскольку специалистам по интеллектуальной истории его исследование действительно может показаться недостаточно основательным. Скорее, это попытка политолога-международника разобраться в современных дискурсивных проблемах, прослеживая их генеалогию.

Слова могут менять значения, а значения – облекаться в новые слова. И то и другое не только отражает, но и опосредует изменения в социальной жизни, влияя на то, каким образом осмысливаются новые обстоятельства. Ибо слова не нейтральны, они обременены грузом накопленных значений. По мысли Решетникова, в некоторых случаях это порождает эффект колеи, который можно выявить, реконструируя дискурсивную генеалогию (с. 68). Прослеживая историю понятий, описывавших самовосприятие России как великой державы, он пытается объяснить, почему великодержавная риторика так важна для нее сегодня и почему эта риторика вызывает непонимание на Западе.

Решетников рассматривает современные российские представления о великодержавии как продукт исторической эволюции, которая происходила в контексте международных и межкультурных взаимодействий с европейскими соседями. Он выделяет в историческом репертуаре дискурсивных проявлений политического величия и превосходства четыре генеалогически связанных модуса, которые конкурировали и сменяли друг друга, по очереди претендуя на дискурсивную гегемонию. Хотя эти модусы были характерны и для России, и для ее западных соседей, это не всегда обеспе-

чивало общность понимания величия и превосходства, поскольку эти модусы наполнялись разным содержанием в силу различий культурно-религиозных традиций. Описывая историю понятия *великая держава* через формирование, смену, трансформацию и гибридизацию модусов, Решетников фокусируется на моментах семантических сдвигов.

В качестве отправной точки его анализа выступает модус, именуемый *абсолютным величием*, которому посвящена вторая глава. Данный модус опирался на христианскую картину мира и утверждал величие политической власти благодаря ее прямой связи с властью божественной. Любопытно, что, по заключению автора, изначально слово *держава* не нуждалось в прилагательном. В источниках XI–XIII вв. оно часто представлялось как божественный атрибут, применительно же к земной жизни могло обозначать власть князя или правителя, но никогда – государство как институт. Великий князь или княгиня представлялись передаточным звеном в осуществлении власти Бога над людьми (с. 75–77). Таким образом, «идея политического порядка в русском политическом дискурсе всегда была связана с величием, понимаемым в трансцендентных терминах» (с. 70). Словосочетание «великая держава» – плеоназм, появившийся в источниках XV–XVI вв. По мнению Решетникова, новое выражение отражало дискурсивный сдвиг, который стал защитной реакцией на трансформацию политических режимов в ряде европейских государств: русские монархи продолжали «держаться за идею о том, что верховная исполнительная власть должна быть безраздельной, а ее отношения с подданными характеризуются скорее принципом *владения*, а не *управления*» (с. 325). Примечательно, что при этом они не искали явного признания у других европейских правителей: величие Русского государства воспринималось в XV–XVI вв. как непреложный факт, а не как вопрос международного консенсуса, поскольку абсолютное величие не требует внешней валидации.

Потребность в таковой возникала постепенно в результате стечения разных обстоятельств – трансформации понимания верховной власти в Смутное время, церковного раскола, а также изменения представлений о власти в европейских дискурсах. Трансформация дискурса о политическом величии завершилась в период правления Петра I, когда сформировался модус, который Решетников называет *театральным*. Ему посвящена третья глава. Хотя этот модус не был исключительно российским явлением (с. 163, 328), логику его формирования автор наиболее последовательно

описывает применительно к отечественному контексту, придавая решающее значение отношениям государства и церкви. Согласно его интерпретации, в период гегемонии абсолютного модуса величия картина политического устройства была близка к византийской идее симфонии: «...царь и патриарх делили между собой верховную власть. Один непосредственно отправлял верховную власть, а другой был ее источником и символом. Пока такое положение вещей сохранялось, российский политический режим воспринимался как великий или *величественный*, независимо от сторонних подтверждений» (с. 326). В результате подчинения церкви государственной власти при Петре I эта конструкция распалась, и трансцендентное величие, приписываемое государству, превратилось в персонифицированное *возвеличивание* монарха.

Типологически театральный модус политического величия, не имея под собой эссенциалистских оснований (величие как непреложный атрибут), реализуется через решительные действия и убедительные спектакли, дополненные восхвалениями и пышностью. Его валидация зависит от результативности политических и / или военных действий и убедительности сопровождающих их зрелищ (с. 48). Расцвет этого модуса политического величия Решетников связывает с «политическим импрессионизмом» Екатерины II, а его кризис – с постепенным включением России в европейское общество государств и управляющий им клуб великих держав, происходившим параллельно с переосмыслением сути политического величия в Европе (с. 164). На мой взгляд, эта часть анализа оставляет некоторые вопросы. Во-первых, объясняя формирование этого модуса, Решетников делает основной упор на Россию, хотя и признает, что «переход от абсолютного понимания политического величия к театральному можно рассматривать как общеевропейскую тенденцию» (с. 171). Относительный успех «политического импрессионизма» на внешних аренах был, по-видимому, как-то связан с разделяемыми представлениями о политическом величии. Не случайно, ссылаясь на исследования И. Нойманна, Решетников отмечает, что в XVIII в. Россия частично добилась признания своего великодержавного статуса в основном через войну и подражание. Интересно было бы обсудить, каким образом эволюция идеи политического величия в западноевропейских дискурсах этому способствовала или препятствовала. Во-вторых, с исторической точки зрения объяснения подъема и кризиса театрального модуса величия не так убедительны, как рассуждения автора о других модусах. Очевидно, что «решительные действия и убедительные

спектакли» играли важную роль в утверждении политического величия и прежде, и позднее. В российском контексте это хорошо показывает обстоятельное исследование Ричарда Уортмана, изучившего эволюцию «сценариев власти» в Российской империи от Петра I до Николая II. Оно наглядно демонстрирует, что театральное величие, во-первых, играло существенную роль в репрезентации *имперской* власти на всех этапах существования Российской империи, и во-вторых, существенно эволюционировало под влиянием внешних и внутренних факторов [Wortman, 2006; Уортман, 2002]. Таким образом, театральное величие не столько уступает место новому модусу, который Решетников называет цивилизационным, сколько трансформируется, оставаясь его дополнением.

Цивилизационному модусу политического величия посвящены четвертая и пятая глава. Подобно театральному, этот модус требует внешней валидации, но таковая оказывается более сложной, поскольку опирается на сравнительную оценку различных свойств государств и политических факторов. Дискурсивный сдвиг, установивший гегемонию цивилизационного модуса величия, стал следствием укоренения нарратива о всемирно-историческом прогрессе, который конструировал и оправдывал международную иерархию, разделяющую народы на цивилизованные, варварские и дикие. Именно на этот нарратив опирался возникший в XIX в. институт великодержавного управления: великие державы взяли на себя ответственность за поддержание международного порядка и приобщение к цивилизации нецивилизованных народов (с.168–171). Случилось то, что когда-то хорошо описал И. Нойманн: правила игры, по которым оценивался Значимый Другой, менялись по мере того, как представляемая в роли «вечного ученика» Россия, казалось бы, уже была готова подтвердить, что выучила урок [Neumann, 1999, p. 111]. Политическое величие стало восприниматься как плод политической истории отдельных государств, а также их социально-экономических достижений, подтверждаемых статистикой.

Согласно Решетникову, получив признание в качестве европейской великой державы в результате победы над Наполеоном, Россия восприняла цивилизационный нарратив, хотя «он часто играл не в ее пользу» (с. 50). В результате она «попала в дискурсивную ловушку полупериферии, что выразилось в (1) претензиях на ведущую роль среди главных защитников цивилизованности и (2) болезненном осознании собственной отсталости по меркам недавно усвоенного цивилизационного стандарта» (с. 203). Ответом на этот вызов стали поиски альтернативных оснований политиче-

ской идентичности России в интеллектуальных дискуссиях середины XIX в. Подвергнув в пятой главе экспресс-анализу историю спора западников и славянофилов, теорию официальной народности С. Уварова, а также идеи А. Горчакова, С. Витте, П. Столыпина и П. Струве, автор приходит к выводу, что результатом их исканий стал «специфический синтез абсолютного и театрального величия, который превратился в мобилизующую идеологию для внутренней аудитории, сформулированную во внешнеполитических терминах» (с. 203).

Типология, использованная Решетниковым для генеалогического анализа, позволяет обнаружить точки соприкосновения между дискурсами разных интеллектуальных лагерей. Так, обнаруживается, что и западники, и славянофилы были эссенциалистами, т.е. в логике абсолютного модуса считали величие имманентным свойством России, хотя и интерпретировали его по-разному: для западников она по определению была *одним из* великих народов, для славянофилов – обладала уникальностью, предположительно имеющей вселенское значение. Даже принимая идею о соотносительности величия, требовавшую обосновывать притязания на него в соответствии с дискурсивно разделяемыми критериями, оппоненты продолжали апеллировать к тому, что считали непреложной сущностью России. Таким образом, российский ответ на сформировавшийся в других европейских странах цивилизационный модус оказался гибридным. Вместе с тем то обстоятельство, что противостояние, начавшееся в 1840-х годах полемикой славянофилов и западников, определяло поляризацию российского публичного дискурса до конца 1890-х годов [Malinova, 2014, p. 297–299], вряд ли позволяет говорить об однозначном «синтезе». Если рассматривать великодержавный дискурс как мобилизующую идеологию для внутренней аудитории, как это делает автор, то вплоть до революции 1917 г. этот дискурс оставался фрагментированным: в нем сосуществовали разные гибриды рассматриваемых модусов.

Ситуация радикально изменилась после 1917 г., когда место Советской России в международной системе и ее роль в мировой истории стали осмысливаться в соответствии с *социал-интернационалистическим* модусом политического величия. Ему посвящена шестая глава. Воспринятый российскими революционными партиями марксистский нарратив оспаривал цивилизационный модус политического величия: предполагалось, что международным порядком фактически управляют капиталистические классы и что институты великодержавного управления являются вспомога-

ными инструментами для урегулирования общих капиталистических интересов (с. 52–53). В этой логике тоже была своя шкала соотносительности, однако она определялась не международной иерархией, а уверенностью в конечной точке человеческого прогресса (с. 53). Как я когда-то попыталась показать, октябрь 1917 г. кардинально изменил систему координат, в которой определялась российская идентичность, и стимулировал пересмотр представлений о «соревновании» с Западным Другим не только в официальном дискурсе большевиков, но и в дискурсах эмиграции [Малинова, 2009, с. 27–83]. В исследовании Решетникова – иной фокус: оно сосредоточено на формировании социал-интернационалистического модуса величия и его эволюции. Но так же, как и исследователи, изучавшие конструирование идентичности Советской России, Решетников придает решающее значение необходимости выстраивать отношения с капиталистическим окружением и формированию того, что Дэвид Бранденбергер назвал сталинской «идеологией русоцентричного этатизма» [Brandenberger, 2002]. По мысли Решетникова, будучи «вынуждена принять участие в устоявшейся модели ведения международных дел», молодая Советская Россия обнаружила источник легитимации своего оппортунизма в «многовековой привычке приписывать России величие» (с. 266). Возвращение в советский политический дискурс «имперских и колонизаторских нарративов, на первый взгляд чуждый марксистскому интернационализму» (с. 271), он наглядно демонстрирует на примере сталинского исторического кинематографа.

К сожалению, сюжеты, связанные с победой во Второй мировой войне и превращением СССР в ядерную державу, очевидно важные для понимания современного великодержавного дискурса, остались за рамками анализа. Эта странная лакуна не обсуждается и не обосновывается. Закончив обсуждение конструирования величия в массовом искусстве, Решетников обращается к тому, каким образом преемники Сталина преодолевали дискурсивное напряжение, обусловленное созданным им «революционно-империалистическим гибридом» (с. 335). В отличие от предыдущих модусов социал-интернационалистическое понимание величия не разделялось на Западе. Было бы интересно посмотреть, как это отражалось на восприятии статуса СССР – лидера блока, противостоявшего НАТО – в период холодной войны, однако и этот сюжет в книге опущен.

В седьмой главе рассматривается дискурсивное взаимодействие России с Западом после распада Советского Союза. По мнению автора, ее положение оказалось во многом похожим на то,

которое Россия занимала до 1917 г.: она «вновь воспринималась как претендент на участие в международном концерте, основанном на нормативных универсалиях», но «обязанности и права этого претендента признавались лишь частично» (с. 314), что вызывало прежние фрустрации. Рассматривая внешнеполитический дискурс ельцинского периода, Решетников вполне убедительно доказывает, что вопреки расхожему мнению он не был лишен великодержавных амбиций (с. 314–316). Переходя же к путинскому периоду, констатирует, что «современный российский великодержавный дискурс представляет собой конгломерат различных дискурсивных модусов, одни из которых более влиятельны, чем другие» (с. 317).

Результатом является очевидный дисбаланс темпоральных проекций. По словам Решетникова, «российское величие (1) легитимизируется прошлым, которое давно и безвозвратно ушло; (2) проецируется в будущее, наступление которого призрачно и требует мобилизации в грандиозных, “великодержавных” масштабах, (3) остается преимущественно нереализованным в настоящем, поскольку креативность и антикризисное управление – это чрезвычайные меры, а не повседневная политическая рутина» (с. 318).

Проделанный Решетниковым анализ истории понятий, описывавших политическое величие, показывает, почему идея быть великой державой так важна для России: это не только вопрос международного статуса, но и основа мобилизующей идеологии, предлагающей воодушевляющую картину прошлого и будущего нации. Вместе с тем книга еще раз подтверждает вывод, к которому приходили и другие исследователи истории дискурсивных взаимодействий России и Запада: принимая гегемонистский дискурс, опирающийся на цивилизационный модус величия, Россия воспроизводит «когнитивный диссонанс, вызванный постоянным несоответствием между ее самовосприятием и амбициями в рамках усвоенного цивилизационного стандарта и международной иерархии, с одной стороны, и ее способностью заставить других воспринимать эти амбиции всерьез – с другой» (с. 344–345). Это обстоятельство является постоянным источником фрустрации, ressentimentа и онтологической небезопасности [Neumann, 2017, p. 188; Malinova, 2014, p. 302–303; Morozov, 2015, p. 65]. Представленный в книге анализ – полезный дополнительный аргумент в пользу этого вывода.

На мой взгляд, этот аргумент мог бы быть более убедительным, если бы автор уделил больше внимания параллельной исто-

рии иностранных понятий – этот принцип декларирован во введении, но слабо реализован, а также литературе, написанной историками – опора на нее позволила бы погрузить по необходимости фрагментарный анализ в надлежащий контекст. Но наиболее существенным пробелом представляется отсутствие анализа дискурса о великодержавии России в период Второй мировой войны и по ее итогам. Вряд ли можно понять современные перипетии дискурса о российском великодержавии, фокусируясь исключительно на эволюции официальных идеологем, использовавшихся для легитимации сотрудничества с капиталистическим миром.

Несмотря на эти недочеты, книга вполне успешно разрешает загадку, которой начинается введение. Реконструируя, с одной стороны, семантику концепта *great power* в современном политическом дискурсе и в исследованиях международных отношений, а с другой генеалогию самовосприятия России как *великой державы*, автор четко очерчивает пересечения и расхождения понятий, играющих столь важную роль в современном диалоге России с Западом. *Great power* – это не совсем то же самое, что *великая держава*. Хотя оба понятия имеют общее семантическое ядро, связанное с внешней политикой, уверенным международным положением и явным относительным превосходством, они не вполне эквивалентны, ибо для семантического репертуара *великой державы* не менее важны коннотации, связанные с темпоральной проекцией из прошлого в будущее. *Великая держава* – это «статус, якобы заработанный в ходе столетий российской государственности и одновременно являющийся целью ее текущего развития в формате *нормализованного чрезвычайного положения*» (с. 322). Этот важный с методологической точки зрения результат. Прodelанная Решетниковым реконструкция понятий помогает усовершенствовать понятийный аппарат, позволяя разводить понятия, не являющиеся полными синонимами. Вместе с тем она помогает лучше понимать вариации великодержавной риторики в российском политическом дискурсе, предоставляя инструментарий для различения генеалогических модусов.

O.Yu. Malinova*
Genealogy of political greatness,
or why *velikaia derzhava* is not a copycat of great power (Review)

For citation: Malinova O.Yu. Genealogy of political greatness, or why *velikaia derzhava* is not a copycat of great power (Review). *Political science (RU)*. 2025, N 2, P. 258–268. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.12>

References

- Brandenberger D. *National bolshevism. Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931–1956*. Cambridge: Harvard university press, 2002, 375 p.
- Clunan A.L. *The social construction of Russia's resurgence. Aspirations, identity, and security interests*. Baltimore: John Hopkins university press, 2009, 336 p.
- English R.D. *Russia and the idea of the West. Gorbachev, intellectuals, and the end of the Cold War*. New York: Columbia university press, 2000, 401 p.
- Malinova O.Yu. *Russia and "the West" in the Twentieth Century: the transformation of discourse about collective identity*. Moscow: ROSSPEN, 2009, 190 p. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. Obsession with status and resentment: Historical backgrounds of the Russian discursive identity construction. *Communist and post-communist studies*. 2014, Vol. 47, N 4, P. 291–303. DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2014.07.001>
- Morozov V. *Russia and the Others: Identity and boundaries of a political community*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, 656 p. (In Russ.)
- Morozov V. *Russia's postcolonial identity: A subaltern empire in a Eurocentric world*. London: Palgrave Macmillan, 2015, 209 p.
- Neumann I.B. *Uses of the Other. "The East" in European identity formation*. Manchester: Manchester University Press, 1999, 281 p.
- Neumann I. *Uses of the Other: "The East" in European identity formation*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004, 336 p. (In Russ.)
- Neumann I.B. *Russia and the idea of Europe: A study in identity and international relations*. London, New York: Routledge, 2017, 214 p.
- Reshetnikov A. *Chasing greatness: On Russia's discursive interaction with the West over the past millennium*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023, 384 p. (In Russ.)
- Tsygankov A.P. *Russia and the West: from Alexander to Putin: Honor in international relations*. Cambridge: Cambridge university press, 2012, 317 p.
- Wortman R.S. *Scenarios of power: myth and ceremony in Russian monarchy*. Moscow: OGI, 2002, Vol. 1, 608 p. (In Russ.)
- Wortman R.S. *Scenarios of power: myth and ceremony in Russian monarchy from Peter the Great to the abdication of Nicholas II*. Princeton: Princeton university press, 2006, 512 p.

* **Malinova Olga**, INION (Moscow, Russia), e-mail: omalinova@hse.ru

Литература на русском языке

- Малинова О.Ю.* Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. – М.: РОССПЭН, 2009. – 190 с.
- Морозов В.* Россия и другие: идентичность и границы сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 656 с.
- Нойманн И.* Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.
- Решетников А.* Погоня за величием: тысячелетний диалог России с Западом / пер. с англ. Ю. Игнатъевой. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 384 с.
- Уортман Р.С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. – М.: ОГИ, 2002. – Т. 1. – 608 с.